

Иван Лажечников

Походные записки русского офицера

...И наш век произвел также добродетели и дарования, достойные подражания потомства!

К. Тацит, Лет. Кн. III

* * *

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ
ЕЛИСАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Всемилоостивейшая государыня!

Описание некоторых подвигов Российского Монарха и народа Его в славнейшую брань за свободу Европы: описание, сделанное мной между путевыми наблюдениями, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашим, Всемилоостивейшая Государыня! ибо кому ближе принадлежать оно может, как не Супруге Великого Монарха и Матери народа Русского

Всемилоостивейшая Государыня!

Вашего Императорского Величества

20 октября 182 °С.-Петербург

Верноподданный Иван Лажечников

А) Список с рескрипта к генерал-лейтенанту графу Остерману.

Граф Александр Иванович! Поднесенный вам от Богемских жителей кубок, украшенный разными сея земли камнями, есть приятное для Отечества Нашего свидетельство чистосердечной благодарности сего народа за отвращение от него опасности бессмертным при Кульме подвигом Российской Гвардии. Я в полной мере ободряю испрашиваемое вами в письме вашем распоряжение о сем кубке; но не могу оставить без замечания, что вы, отдавая должную справедливость участвовавшим в сем знаменитом сражении воинам, забыли себя, тогда когда вы в оном предводительствовали и потеряннем руки своей купили победу — обстоятельство, умолченное вашей скромностью, но незабвенное Отечеством, и которое, конечно, не престанет твердиться в устах потомства! Пребываю вам благосклонный

Александр

21 февраля 1817

С.-Петербург

Б) Сколько лет тому назад знаменитый Делиль предсказывал возведение Лудовика на трон отцов его рукой монарха Российского! Само Провидение, кажется, вдохнуло в него дух прорицания, когда он писал следующее место в своей поэме de la Pitié:

Jeune et digne héritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier a fixé ses regards

и проч.

Souviens-toi de ton nom: Alexandre autrefois
Fit monter un vieillard sur le trône des Rois:
Sur le front de Louis tu mettras la couronne.
Le scèptre le plus beau c'est celui que l'on donne.

Предисловие

Издавая ныне мои записки, стал бы я напрасно, в извинение их неисправностей, представлять, что я писал их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом со мной войска. Все это могло служить оправданием тем сочинителям, которые, так сказать, на горячем следу прошедшей войны издавали свои походные замечания. В четыре мирные года должен я был иметь время исправить погрешности моего творения; и если читатели сделают над ним строгий приговор, то виноват один автор, а не обстоятельства. В утешение себя и в облегчение страха, который чувствует издатель, готовясь предстать перед

общим судом, скажу, что большая часть моих записок помещена была в известнейших наших журналах и что они заслужили одобрение многих почтенных литераторов. Осталось мне сожалеть (может быть, одному мне) о невозвратной потере, которую я сделал, лишившись, во время курьерской поездки 1817 года, целой огромной тетради с походными записками. Ныне издаю только уцелевшие от этого кораблекрушения, и потому с 16 мая 1813 года предлагаются они отрывками. Сначала думал я заменить мою потерю, предприняв написать новые записки в кабинете моем; но память мне изменяла, и для того вынужден я был расстаться с начатым трудом. Еще должен я предупредить читателя, чтобы он не ожидал найти в этой книге подробное описание маршей и сражений, тактические замечания и наблюдения, одним словом, полные источники для бытописателя прошедшей кампании. Автор не посвящал себя совершенно военному делу и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка. Он издает ныне свои записки в виде замечаний простого походного наблюдателя, описывавшего единственно то, что было близко к нему, что он видел, слышал достойного примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах русского гражданина и воина.

1812

С. Кривякино. 20 сентября

Случалось ли вам видеть дитя, приговоренное стоять в мрачном углу комнаты в то время, когда роковой час, назначенный для окончания трудов учебных, ударил в кругу товарищей его и возвестил сердцам их благословенную свободу? Умолкли громы, поражавшие их в высоте кафедр, исчезли из виду почтенный черный кафтан и высокоумный парик, даже шарканье грозного школьного властелина не отдается более в длинных переходах. Золотая свобода! — восклицают юные мудрецы и летят срывать венки с величавых соперников и созидать новые царства на горах Воробьевых...

Итак, видите ли это дитя, стоящее в мрачном углу опустевшей комнаты? Взоры его обращены на роковую дверь, откуда товарищи его устремились пожинать лавры бессмертия, частые вздохи волнуют грудь его, и слезы струятся по розовым щекам несчастного. Но вдруг сверкнула перед ним мысль о свободе первого человека. Он гордо поднимает голову, сердце его бьется сильнее — и тяжкие узы для него более не существуют, и грозная темница его не ужасает! Он уже с копьем в руках внезапно является в рядах Беллоны, мешает

крик победы с криком сражающихся, получает тяжелые раны и уносится на плащ... (вы ожидаете великого явления?) в дом родительский, где готовятся для него свежие лавры, растущие в садах столицы — рядом со смиренной липой. Тут занавес опускается... Жаль мне героя моего, очень жаль! Кто, подобно ему, не любит золотой свободы? Кто для любви к себе не дитя в мире сем? И я во всем сходен с сим слабым, бедным творением!.. Браните меня, как вам угодно, друзья мои! Бросайте на меня все стрелы Сервантовы: я не отражаю их; но спокойно, как новый рыцарь печального образа, от мирных полей и уединенной хижины, бегу искать славных происшествий и — если должно — сражаться даже с мельницами! Меч гремит на бедре моем и возвещает мне время явиться на поля славы. Тройка коней, приведенных из русской Фракии или просто с берегов Дона, роет снежные бугры с нетерпения отвезть нового сынка Марсова к нежному его родителю. Но слезы родных, бесценных сердцу, велят еще сказать им роковое: прости! Прощайте, друзья мои! Прощайте, мои милые! Удостаивайте иногда воспоминанием того, который так неожиданно покинул родные поля и тихий кров отеческий, оставил все приюты любви и дружбы и, что еще неблагодарнее, умел так скоро расстаться с вами, бесценные мои!

На Мячковском кургане, 12 октября

Никогда не проезжаю Мячковского кургана без того, чтобы не взойти на него. Бывало, в красные дни природы и моей родины останавливался я здесь любоваться прелестными видами. Тогда все восхищало меня: и светлая в извилинах Москва-река, многочисленными судами покрытая, и селения, на живописных ее берегах расположенные, и расписные, пестрые луга с озерами своими, и белые известковые горы, вечно дымящиеся наподобие маленьких Везувиев. Тогда любил по целым часам взорами и сердцем бродить с возвышений, одетых цветными коврами, на пригорки, далеко золото жатв разливающие, — из Мяčkова, господствующего над мрачными лесами, в живописное Быково, собой в водах красующеся, — и, наконец, в туманном сизом отдалении искать Москвы белокаменной. Ныне, когда пожары войны пылают еще на родном небосклоне, когда природа и люди унылы, прихожу сюда внимать бурям осенним и смотреть, как черные тучи несутся над головой моей, как вихорь роет желтые листья и мчит их по крутому берегу. Смерть и разрушение почивут на холмах могильных, печальна окрестность, мрачна и душа моя! Без риторической фигуры можно, конечно, сказать, что всякая высота возвышает чувства и

мысли. Стою на гордом кургане и повторяю за прекрасным певцом его:

Сюда приди, о, Росс, свой сан и долг узнать!

Никогда не чувствовал я так сильно красоты сего изречения, как теперь, стоя на сей величественной насыпи, которой святыню берегли веки; на сем памятнике славы наших предков и могил храбрых. Так, на сем знаменитом холме, клянусь прахом отцов моих и тобой, родина священная! клянусь, что честь и Отечество будут везде моими спутниками, и если изгоню их когда-нибудь из моего сердца, если забуду их в пылу битв и мирных хижинах, то пусть недостойн буду имени русского, пускай все милое мне и Бог меня забудут!

Москва, у Кремля, 13 октября

«Это ли столица белокаменная? — спрашивал я себя со вздохом, подъезжая к Москве. — Где золотые куполы церквей, венчавшие царицу городов русских? Где высокие палаты, украшение и гордость ее? Один Иван Великий печально возносится над обширной грудой развалин, только одинокие колокольни и дома с мрачным клеймом пожаров кое-где показываются. Быстро промчалась

буря разрушения над стенами московскими, но глубоки следы, ею оставленные!» Подъезжаю к Таганской заставе. Мрак вечерний начинал спускаться над округностью, чувства уныния и ужаса возрастали более и более в душе моей. Близ караульни показался огонек, затмеваемый бродящими людьми. Въезжаю в заставу и нахожу изюмских гусар, расположенных около нее бивуаками. Схожу с повозки, иду далее по улицам и не узнаю их. Здесь стоят стены без кровель и церкви обезглавленные, там возносятся одинокие трубы, тут лежат одни пепелища домов, еще дымящиеся и наполняющие улицы тяжелым смрадом: везде следы опустошения; везде памятники злодеяний врагов и предметы к оживлению мщенья нашего! Ужасно воет ветер, пролетая сквозь окна и двери опустошенных домов, или стонет совой, шевеля железные листы, отрывки кровель. Вокруг меня мрак и тишина могил! Только инде, под мрачными сводами, трепещет огонек у пустынного сторожа развалин; кое-где слабый голос выносится из погребов или слышен в шалашах робкий шепот. Иду по улицам, кажется, совсем незнакомым — ни одно живое существо не попадается мне навстречу, иду и спотыкаюсь о мертвую лошадь!.. Давно ли рои народа кипели и шум не молк в стенах Москвы? Давно ли по этой улице в богатых экипажах встречались сыны

фортуны и мчались из жилища рассеяния в обитель моды? Не в этом ли доме, за три месяца перед сим, толпа рабов поклонялась набитому червонцами мешку или старому пергаменту? Не в том ли имущество, здоровье и самая жизнь полагались на одну роковую карту? Не здесь ли роскошь на счет тысячи ближних собирала дань со всех частей света, чтобы угостить могущество одного? Здесь зарывал скупец свое золото, сюда же придет он оплакивать его потерю и на том же праге, где отказывал всякому в помощи, узнает, каково быть в бедности и не найти сердец сострадательных. За этой стеной некогда стоял великолепный туалет: умывания Ниноны, похищенные у любимой султанши белилы, сотни чепчиков и шляпок, тысяча и один визитный билет — увы! — достались в жертву пламени. Что сказала бы красавица, когда наместо сих драгоценностей нашла бы она мертвого француза? Ужасно и подумать об этом!.. Вас позвал бы я сюда, гордые богачи! и указал бы вам на превратности жизни сей. С вами пошел бы гулять по развалинам, ненасытные честолюбцы, воздвигающие себе храмы и памятники на бедствиях народных! Призвал бы сюда и вас, ученики безверия! и дал бы вам взглянуть на вражеские трупы, лишенные погребения, брошенные в пищу вранам и по смерти живо говорящие, что гнев Божий рано или поздно карает

преступников. Здесь друг человечества вздохнул бы со мной об участи несчастных и могилу добродетельного почтил бы искренней слезой.

Сию теперь на развалинах Кремля и на обломке его стен пишу мои замечания. И сие жилище царей наших, сей священный палладиум Москвы не поберегла рука разрушения!.. Большая часть башен и стен подорвана, не пощажен сам Иван Великий, сей памятник царского благоразумия среди бедствий народных, украшавший столицу два века, протекшие мимо него с благоговением. Благословляю меч, карающий врагов Отечества и прав его, клянусь губительное железо, разрушающее памятники святыни и славы народной!

С. Троицкое, под Москвой, 15 октября

Побежден быть не может народ, в самых бедствиях гордый своим именем, в самых горестных потерях не лишившийся добрых нравов, среди жесточайших оборотов судьбы хранящий твердо веру в законы праотцев! Москва была несколько дней во власти иноплеменных, Москва превращена в пепел, но дух свободы и любви к Отечеству не переставали никогда оживлять древнюю столицу России. Добродетели сии сопровождают ныне мирного гражданина в самое

изгнание из мест родины и неразлучны с воином, кипящим отмстить за пепел родных жилищ и права свои. Сильны Бог и Царь русский; могучи мышцами и духом потомки славян — и Россия побеждена быть не может! Каждый день слышу повествования о твердости жителей, необходимостью в Москве заключенных во время пребывания там французов. Спросите, кто были сии жители? Нищие, сирые, бедные вдовы, бесприютные и слабые старцы. Между деяниями сих героев злые слухи донесли до нас — со всеми прибавлениями, обыкновенно наполняющими подобные рассказы о происшествиях, которых мы не были зрителями, — преступления одного или двух человек, изменивших законам чести и Бога. Но вернейшие известия, на которых нам приятнее основываться, утверждают, что сии злодеи были не русские. Мы готовы даже верить, что они не принадлежали никакому народу. Кто не может быть верным сыном Отечества, не достоин называться согражданином грубых Каннибалов, он не имеет ничего священного на земле, нет для него ни имени, ни родства, ни связей — целая вселенная его чуждается. Благословенная Богом Россия не знает подобных извергов: она сильна верными сынами. Картина Москвы, с одной стороны, наводненной толпами иноплеменных, дышащих грабежом и безначалием, с другой — огражденной твердостью

духа оставшейся в ней горсти жителей, представляет истории прекрасные черты, подражания достойные. Москва является в ней, как знаменитая древняя жена, сидящая на развалинах величественного храма и защищаемая верной небольшой семьей против многочисленной шайки грабителей. Жестоко обманула французов надежда обрести в русских грубых варваров, обвыкших подклонять выю под чуждое ярмо! Следующие подвиги служат тому свидетельством. Кровавое зарево пожаров обтекало древнюю столицу России; огромные палаты и бедные хижины превращались в развалины; храмы Божии предавались поруганию — и толпы иноплеменных бродяг без сострадания, без чести и веры праздновали на пепелищах уничтожение всех добродетелей. Вдруг, среди торжественных восклицаний порока, среди вопля старцев, жен и детей, раздаются громкие, утешительные голоса. «Это голоса свободы!» — говорят угнетенные и стекаются на зов ее. В Огородниках стоит храм, посвященный имени Св. Харитона. Туда собираются они, вооруженные булавами, ножами, серпами и вилами; находят с каждым днем новых товарищей несчастья; составляют между собой особенное общество; строят себе шалаши вокруг церкви и клянутся защищать ее от нападения безверных до последнего дыхания. Каждый день приходят они в церковь сию

воссылать молитвы к престолу Бога об изгнании врага из Отечества, о ниспослании победы русским воинам, здравия и славы законному государю. Несколько раз покушаются неприятели уничтожить священнослужение и превратить храм Божий в конюшню; но при первом покушении их герои-нищие вооруженными сотнями стекаются вокруг церкви, ударяют в набат и заставляют самых мнимых победителей удивляться их мужеству и решительности. Некоторые из французских смельчаков пытаются с накрытой головой присутствовать при отправлении богослужения, но поднятые вверх вилы и грозные голоса свободы принуждают гордых пришлецов смириться перед законами слабых и нищих. Церковь, охраняемая столь мужественными защитниками, донине уцелела и свидетельствует каждому, что верность царям, вере и коренным добродетелям есть твердейший оплот противу неравного могущества и бедствий, на землю посылаемых.

Священник Рождественского монастыря, известный примерной жизнью своей, не устранился жестокостей иноплеменных. Верный своему государю и правилам совести, во всех молитвах своих возносил он к престолу Бога имя помазанника Его. Буонапарт, узнав о сем, послал к нему грозный приказ исключить сие имя из церковных молитв и впредь упоминать в них

Наполеона, Императора Франции и прочих земель. «Я присягал одному царю русскому и не хочу знать никакого другого», — с твердостью сказал пастырь посланным и продолжал с большим рвением молиться о здравии законного Государя. Ему угрожают виселицей на Рождественском бульваре. «Донесите Наполеону, — отвечал он исполнителям приказов его, — донесите ему, что под рукой палача буду еще молиться об Александре».

«Не страшна смерть тому, кто умирает за царя и веру». К чести доносителей должно сказать, что они нашли ответ сей геройским, достойным даже французского народа, изобразили его таковым предводителю своему и оставили неколебимого священника исполнять долг его до самого побега великих легионов из Москвы.

Рим славился одной Лукрецией, древняя столица русских может гордиться двумя. На берегу Москвы-реки в скромном жилище оставался один из служителей алтарей для попечения о приходской церкви и тайного надзирания за схороненным им церковным богатством. Сокровища, храму принадлежащие, умел он сберечь от хищнических взоров, но не укрылось от них сокровище, ему собственно принадлежащее и для него бесценнейшее всех богатств земных, — две дочери, милые и прекрасные, как сама природа, как она, невинные. Под надзором умного, просвещенного и

добродетельного отца взлелеянные, росли они для исполнения надежд его и украшения света — вскоре готовились они усыпать цветами радости и любви жизненный путь двух юношей, избранных ими по воле сердца. В сии смутные времена забывали помышлять о собственном счастье, думали только об успокоении Отечества. Обрученные принуждены были разлучиться почти у подножия брачного алтаря, клятва вечного союза готова была вылететь из уст их, и уста выговорили ужасное «прости» навеки; место сулимых им любовью удовольствий заступила мрачная мысль о бедствиях общественных — и мечты, недавно подносившие им брачные розы, казали уже им в будущем одни могильные холмы, бранными огнями и пожарами освещаемые. Разлука ужасная! Но ее требовал неумолимый рок — и друзья, повинувшись ему, расстались с горестным предчувствием. Вскоре притекли в Москву орды разноплеменные. Простые солдаты, гордясь безначалием, повиновались одним желаниям своим; начальники вместо того, чтобы давать подчиненным пример воздержности и кротости, подражали им в своеволии. Скромное жилище священника не избегло их посещения, там увидели они прелестных сестер и по праву победы нарекли их заранее своими данницами. Чтобы уловить их скорее в свои сети, употребляли они сначала

хитрость, ласкательства, обещания, любовь, клятвы и даже священное имя Бога, но, видя предложения свои отвергнутыми с презрением и твердостью, они прибегнули к силе. В скором времени (это было к вечеру) отсутствие отца послужило им к совершению злодейского их намерения. Целой разбойнической шайкой ворвались они в комнату, где находились обе сестры, и застали их молящимися перед распятием. Не уважая ни мольбы, ни слез их, смеясь изображению Божественного Страдальца на земле и Судии небесного, которое несчастные обнимали вместо защиты, злодеи связали им руки и повлекли их из дому. Приближаясь к Каменному мосту, сестры уговорились на чуждом похитителям языке вооружиться против них обманом и решиться для избежания вечного позора умереть добродетельными. Решились — и слезы осушены, тихая покорность воле сильных показалась уже во взорах их, улыбка любви порхнула на помертвелых устах, и нежный, сладкий голос просил облегчить их узы. Какое жестокое сердце не тронулось бы этой просьбой, с которой, казалось, сливались обещания и надежды? Варвары, обманутые наружностью своих пленниц и притом уверенные в силе своей, исполнили их желание. Пустив за несколько шагов от них передовую стражу, сопровождая их в отдалении большой толпой с

комическими песнями, они хотели доказать тем свое великодушие.

Но — кто из них того ожидал? Обе сестры, приближаясь к середине Каменного моста, схватив друг дружку за руки, пустились бежать, перелезли одни перила, перекрестились, показали рукой на небо, влезли на другие перила и одна за другой бросились в реку! Все это совершилось в несколько мгновений. Французы от изумления и ужаса стояли неподвижны, не верили глазам своим и не знали, что начать. Хотели вытащить несчастных из воды, но, найдя их совершенно обезображенными сильным ударом о камни, во множестве разделяющие течение Москвы-реки, отдали их на произвол стремнины. В глубоком молчании, как приговоренные к смерти преступники, возвратились они домой. В сердце не смели они заглянуть: в нем гнезвился уже грозный спутник, до престола Вечного Судии с ними неразлучный; не осмеливались они взирать и на небо: там начертана была будущая судьба их! Что сделалось с несчастным отцом? Он в объятиях веры старался искать утешения и, может быть, ныне нашел его. Что сделалось с злополучными женихами? Ничего не слышал. Если бы я писал роман, а не истинное приключение, то сказал бы, что один из них путем смерти и славы соединился с любезной, другой же, заключив себя в монастырских стенах, остался

телом жить на земле...

Сотни подобных происшествий ознаменовали сентябрь месяц 1812 года, французские бивуаки в Москве блистали многими подобными огнями. Безумные пришлецы узнали, каково незваным гостям гостить в русской столице и каким образом рабствуют на севере. Не одна тысяча их лежит в погребах, колодезях и под мельницами. Если бы собрать все черты мужества, твердости нравов и других добродетелей, исполнявших русских во время пребывания французов в Москве, то можно бы написать целые книги. Искусным перу, резцу и кисти предстоит труд и слава вывести из мрака неизвестности геройские дела соотечественников и представить их во всем блеске на сцену мира.

Москва, 18 октября

Москва начинает стряхать с себя пепел и мало-помалу оживляется. Гений ее, бродя по развалинам, собирает снова детей вокруг печальной, но всегда бесценной сердцу матери и ласкает их утешительной надеждой, что счастье, богатство и слава посыплют на нее свежие венки. Жители понемногу стекаются в Москву. Между развалинами ходят иные, как Радклифовы привидения, и ищут следов своих жилищ и имуществ; другие, одиночкой или парами,

встречаются вам на улицах и спрашивают вас о той, на которой сами находятся. Через заставы пробираются огромные возы с жизненными потребностями; на рынках волнуется народ и жужжит, как рой пчелиный с приближением цветущей весны. Ремесленники на площадях предлагают вам свои услуги; каменщики и плотники считают тучные задатки. Уже извозчики на быстрых иноходцах мчат вас из края в край города, и петербургская карета один раз в сутки стучит по мостовой. Уже шумит топор, и веселое его эхо отзывается в моем сердце. В Москве можете ныне найти теплый угол, вкусный обед, все необходимые потребности жизни за недорогую цену и даже предметы роскоши. Перед развалинами Гостиного двора видите скромные палатки, столы, стулья и треножки, на которых лежат товары, хотя не в изобилии, но довольно хорошие. Каждый день принимает город лучший и приятнейший вид. Можно сравнить Москву с прекрасной женщиной, которая во время печального траура лишилась лучших своих прелестей. Наступил конец горестного испытания, и она, забыв прошедшее, улыбается будущему, спешит рядиться в новую, разноцветную одежду, любит в зеркале оживлением своих прелестей и с каждой новой минутой готовит своим обожателям новые приятности.

Наконец расстанусь с тобой, Москва, древнее жилище царей, колыбель и гроб многих из них, средоточие богатства, изобилия и веселостей России и родина моя священная! Видел я тебя цветущей, красивой, величественной; зрел я твои развалины: да порадуюсь некогда возобновлению твоего великолепия, красоты и славы твоей — и скажу с гордостью москвитянина:

Что матушки Москвы и краше, и милее?

С. Хатунь, 20 октября

В кругу семейства одного из здешних поселян, за дубовым столом, за русским хлебом с солью, подтвердил я сам себе замечание, деланное уже мной несколько раз насчет счастливой жизни крестьян графини Орловой. Красивая наружность домов, опрятность и порядок во внутренности их, довольство в пище их обитателей, чистота и богатство в одеждах, свежесть и здоровье лиц, живость в обращении и делах торговых, более людскости, более рассудительности и лучшая нравственность: вот что отличает их от многих других помещичьих крестьян. И всем этим обязаны они человеколюбивым о них попечениям молодой наследницы имения и душевного богатства героя

Чесменского. Зато нет ни одного, который бы не произносил ее имени с сердечной признательностью, нет ни одного, который бы не благословлял кроткой, милосердной своей властительницы. Что же должна чувствовать она в душе своей? Какие торжества, какие награды могут сравниться с удовольствием брать с тысячей богатейшую дань любовью, внимать себе от подданных детей искреннюю похвалу и слышать отзыв их благодарности во глубине своего сердца? Тут я вспомнил о покойном графе Алексее Григорьевиче и сказал сам себе: как родитель был страшен врагам на морях, так дочь в хижинах любима и благословляема.

В почтенном хозяине моем представляется мне живой урок многим мудрецам нашего века. Нежный отец и вместе строгий правитель и судия своего семейства, красноречивый оратор за мирское дело, жаркий защитник слабого и невинного в сельских советах, трудолюбивый возделыватель полей и, следовательно, полезный член Отечеству, покорный властям и всякому порядку по тем же законам, по каким сам почитаем в своем доме, добрый христианин без умствований, верный подданный, чтящий в царе своем образ всевышнего правителя на земле, мудрец, читающий каждый день великую книгу природы, — он постигнул сердцем, что следовать ее простым велениям есть

повиноваться воле Бога.

Ныне празднуют здесь изгнание врагов из Москвы. Я поспешил за поселянами в церковь. Умный пастырь, кончив священное служение, обратил к своему стаду трогательную, простую речь. Он говорил о торжестве любви к Отечеству, к царю и вере — не фигурами, не набросанными одним на другое умствованиями, — он говорил сердцу красноречием природы, и сердце каждого понимало его без изъяснений. Ему известно было, что простые примеры, собранные в кругу тех, к которым обращался, у плуга и на торжищах, в дымной хижине и в богатой светлице, подействуют сильнее на душу селянина, нежели взятые из какой-нибудь риторики пыльные образчики. Он знал, что нравоучение, чистое и всем внятное, почерпнутое из христианской нравственности (которой должна также служить самая жизнь пастыря), лучше запутанного красноречия древних и новых умствователей; он знал это очень хорошо — и знание свое умел употреблять в пользу. Крестьянин, слушая его с искренним, душевным участием и уважением, не имеет нужды (как часто случается) спрашивать у своего товарища: «что говорит батюшка? я слышал, что он проповедует красно, да я его не разумею», — и тому подобное. Жителя села, простого сына природы, не тронешь и не убедишь ученостью, он послушен более

красноречию матери своей и всегда верный данник ее всем сердцем и душой. Хвалю трогательное и простое риторство здешнего священника и желаю искренно, чтобы сельские наши пастыри взяли его образцом для подражания.

Г. Калуга, 26 октября

Первое место в моих записках должны занимать деяния соотечественников моих — деяния, возвышающие имя и дух русского. Следующим повествованием сделал мне подарок один смоленский помещик, бывший очевидным свидетелем самого происшествия.

...Соединенные войска двадцати народов текли в Россию подобно грозной, черной туче, носящей в себе опустошение и гибель золотой жатвы, врата Смоленска отворились с громом, и через них все бедствия войны внеслись в сердце драгоценного Отечества, пламя пожаров пробежало бурей до стен кремлевских. Хищение, разврат и забвение всего священного, грозя самим небесам, бродили по развалинам городов и сел; толпы несчастных жителей убегали со страхом, оглядываясь на пепелище домов своих. Там мать с грудным младенцем укрывалась в густоту лесов, страшась не столько диких зверей, сколько свирепых пришельцев; здесь старик под ношей лет

и бедствий искал по рощам и полям пищи для продолжения своей жизни и для семьи малолетних детей; сын отыскивал отца своего под развалинами; жена умоляла возвратить ей супруга: все проливали слезы о разлуке с милой родиной. Уже сильные руки во мраке ночей ковали копья, уже косы и серпы острились, но час свободы еще не звучал — и гордый сын севера в ожидании его затаил в груди своей грозное чувство мщения.

Наполеон с адской усмешкой считал раны, покрывавшие часть России, и наблюдал место, где мог бы еще вернее поразить ее. Желая истлеть нравы русского народа, он учредил на развалинах Смоленска верховный суд и предписал ему довести до сведения оставшихся в городе и округе жителей, что те из них, которые будут недовольны русским правосудием и управлением, могут требовать защиты от французской расправы: видимое желание вооружить противу справедливой власти и отечественных законов какую-нибудь толпу беспокойных бродяг и бросить тем искру бунта в сердца народа! Неудовольствие некоторых крестьян Смоленской губернии на помещика их, оправдав самым неприметным образом сие намерение, показало между тем повелителю французов, до какой степени может дойти благородная гордость русских и на какие жертвы готова любовь их к Отечеству.

Известный духом истинного благородства и твердости смоленский дворянин Энгельгард не ужаснулся нашествия неприятелей. Соболезнуя о бедствиях родины и желая присутствием своим облегчить горестную участь сограждан, он остался в поместье своем, в Духовском уезде. Положа руку на сердце, взглянув на небеса, он дал небесам сим обет: среди многочисленных врагов действовать противу них же; окруженный чужеземной властью, он решился укоренять в сердцах народа любовь к законному государю и на пепелищах отчизны своей вознести знамя народной свободы и счастья. «Дела мои, совесть, государь и Бог оправдают мое здесь пребывание!» — сказал он и начал исполнять священный обет свой.

Некоторые крестьяне его, недовольные устройством, в котором он содержал их во все время общего беспорядка, негодуя на примерную строгость, с которой он наказывал их за участие в грабеже французов и за ослушание против русских законов, — крестьяне эти, прельщенные лживыми обещаниями вольности и золотых источников, решились идти в Смоленск к французскому начальству доносить на своего помещика о лишении им жизни нескольких французов. Просьба крестьян выслушана судьями, произведено следствие, и не найдено никаких следов смертоубийства. Сам предводитель разбойнической

шайки постыдился бы произнести решительный приговор над Энгельгардом. Дела потекли по-прежнему в поместьях сего последнего; но дух злобы не дремал: вскоре бунтовщики, подстрекаемые Наполеоновыми прокламациями, соединились в небольшую разбойничью шайку, набрали в окрестностях несколько убитых французов и, бросив их в отсутствие помещика под пол его дома, привели из Смоленска французских комиссаров для вскрытия этих полов и свидетельства мертвых тел. Энгельгард найден виновным в смертоубийстве и призван в верховный суд в Смоленск. Восстановитель отечественной свободы Вильгельм Телль не являлся к грозному притеснителю Швейцарии с такой твердостью духа, с какой вступил в среду судей защитник славы государя и сограждан своих. Благородная гордость русского дворянина, уверенность сына Отечества в исполнении своей обязанности, любовь к царю и вере сияли в очах его, управляли всеми его движениями и приводили в смущение собравшийся для приговора его французский совет. Не подсудимым казался он, но судьей неколебимым, пишущим толпе преступников приговор к вечному их посрамлению. Наконец Энгельгард осужден быть расстрелян. «Ведите меня скорее к месту моего торжества!» — сказал он французскому караулу, выслушав со всем хладнокровием

приговор свой. Напрасно прельщали его, от имени Буонапарта, свободой и прощением; тщетно обещали ему высокие почести и награды, если он отречется от законного государя своего и объявит смоленскому народу, что повелитель французов есть ныне настоящий монарх России и помазанник Божий! «Свобода моя принадлежит Богу и царю русскому! — и мог ли Наполеон сделать меня рабом своим? Скажите ему, что я и теперь свободен; скажите ему, что русские дворяне умеют умирать таковыми за государя своего и Отечество!» — так отвечал он и повторил снова требование, чтобы его вели скорее к месту казни. Дорогой произнес он раза два сопровождавшему его караульному офицеру известный Корнельев стих:

Le crime fait la honte et non pas l'échafaud.
(Не казнь постыдна, преступленье!)

На месте казни хотели завязать ему глаза платком; но он, сорвав его с негодованием, сказал: «Русский не боится смерти!» — перекрестился и ожидал роковой пули с твердостью духа, удивившей самих палачей. Свинец засвистал — Энгельгарда не стало!.. Но Царь¹ и Россия его не

¹ Государь император излил щедроты свои на многочисленное семейство Энгельгарда. 1820.

забудут; сограждане воскресят его в памяти и сердцах своих и передадут его потомству в пример великих жертв любви к Отечеству.

Приятно мне мечтать об оживлении Русского Кодра в памятнике! Пускай смоленское и целой России дворянство, соединясь единодушными пожертвованиями, соорудит памятник этот тому, кто так славно умер за права и честь дворян; пусть поставит его на одной из площадей смоленских в память сынам и правнукам нашим! Пускай на одной стороне его начертают: Русскому Кодру; на другой Энгельгарду — Российское Дворянство. Глядя на него, мирный гражданин прочитает во взорах великого обязанности свои государю, согражданам и Отечеству.

Поклонившись ему, молодой воин вскипит огнем мужества и спросит копьё свое, чтобы *потрясть землей и адом*. К памятнику этому придут поучиться люди всех состояний и званий и познавать величие имени русского. Какой пример коренных наших добродетелей! Какой богатый предмет для художника и какое славное поле для гения!

Мечтаю — и счастливый сей мечтой благословляю память великого Энгельгарда и жребий, судивший мне родиться русским.

Рославль, 10 ноября

Я прибыл в город вчера вечером и остановился у одного русского купца, гостеприимного и любезного. После сытного ужина, приправленного голодом и ласками хозяина, меня оставили одного в теплой, уютной комнате успокоиться от походных трудов. Двадцатиградусный мороз дыханием своим пушил окна моего жилища; стены трещали ежеминутно. Я сидел у разложенного в камельке огня и смеялся угрозам зимы. Со мной был Боннет. «Как велик человек! — с гордостью подумал я, прочитав два-три отрывка из Созерцателя Природы. — Пресмыкаясь телом по земле, он духом в небесах летает. Нет, кажется, в мирах для него сокрытой тайны: сам Творец знакомит его с чудесами творения. Умен, могуч, величав, он зрит с улыбкой, как все ему покорствуется. Гроза и гордость зверей, лев повинуется его взору; быстрая, как горный ветер, серна, внимая голосу его, останавливается на краю утеса и преклоняет перед ним ветвистые рога свои; парящий под солнцем орел к нему спускается по его велению. Сами стихии ему раболепствуют. И кто на земле не платит дани царю земному и любимцу Небес?..»

Ныне видел я подобного себе в унижении,

видел человека, Богом и людьми отброшенного, и признаюсь, что никогда ничего не зрел ужаснее. Еще с содроганием вспоминаю это зрелище. Ночью прибыл в Рославль трехсотый транспорт с пленными, пущенный из-под Красного при нескольких казаках. Боялись с ними заразы и для того расположили их бивуаками близ города. Утолив голод — некоторые остатками сухарей, иные мертвыми лошадьми и товарищами, — предпочли они кочевью на снегу городские овины и сараи. Одни зарывались в солому, другие прятались в трубы и печи; были даже такие, которые, собравшись толпой в пустой дом (большая часть здешних домов еще без хозяев), ложились десятками друг на друга, зажигали его со всех четырех углов и соделывались жертвой безумия своего. Поутру собрали казаки оставшихся и недосчитали более двухсот. Меньшую половину из их числа полагали умершей, другую бродящей по всем концам города. Я не успел проснуться, как привалила ко мне толпа французов, итальянцев, поляков, вестфальцев, баварцев, пруссаков, испанцев и бог знает каких народов! Думаю, что эпоха построения Вавилонской башни не производила такого странного и жалкого смешения языков. Каждый не говорил, а стонал на своем наречии; все проклинали Буонапарта, виновника их бедствий. Один сказал мне: «Брат мой, последняя

подпора шестидесятилетнего отца, погиб в горах Гишпани; а я осужден найти себе могилу в русских снегах». Другой: «Освободясь от трех конскрипций деньгами, не избегнул я четвертой — и теперь, в удалении от олив родного Лангедока, в разлуке с семейством и милой невестой, гляжу с ужасом на приближение смерти». Третий: «Не нужен ли вам хороший кучер? Я управлял шестеркой коней у министра финансов и играл не последнее лицо в конюшне и тайной *приемной* его превосходительства».

Четвертый: «Парикмахеры-нравоучители в России неизвестны; а я, обладая искусством убирать волосы, могу преподавать за туалетом Эпикурову философию. В Париже был я в славе; если же у вас не перестанут подражать обычаям первой столицы мира, то...» Бедняк не договорил, увидев в руках моего хозяина кусок хлеба. Какой-то немец брался разводить у русских картофель и научить их находить вкус в супе из костей. Стоявший рядом нормандец божился, что под надзором его русский барчонок в шесть месяцев будет совершенным парижанином. Сыскался один гасконец, который, требуя только года времени, нескольких миллионов рублей и, кажется, тысяч пятисот войска, обещался привезти Наполеона в Москву в железной клетке. Всякий предлагал свои услуги и хотел в награду одного куска хлеба и теплого угла. Ужасно было смотреть

на странную их одежду, едва прикрывающую наготу тела, на черные, задымившиеся лица их, на томные и вместе страшные взоры, в которых, казалось, потухала жизнь и водворялись мучения ада! Невозможно пробыть с ними пяти минут в одной комнате, так силен смрад, происходящий от смеси дыма с пищей лошадиного мяса. Если бы не принимали всех возможных мер для предохранения жителей от заразы и если бы зима с жестокими морозами своими не пришла к этим предосторожностям на помощь, то чума со всеми ужасами посетила бы неизбежно эти края.

К чести русского гостеприимства и человеколюбия, хозяин мой, несмотря на злоречивые толки, пренебрегая страхом сделаться больным, взялся быть благодетелем погибающих. Не знакомый с древними школами, не считая себя членом ни одной из новейших, послушный только нравственности, чистой, не искаженной предрассудками, и повинувшись природному чувству сострадания, он потушил в душе своей чувство мщениия и, помня, что враг перестает быть таковым, когда обезоружен и слаб, он делал добро всякому, кто только требовал его помощи. «Несчастные довольно уже наказаны гневом Божьим», — говорил он, собирая к себе злополучных пленников. Он согревал их, кормил, одевал, лечил и, наконец, отпускал их в печальное странствование.

Стараниями его оживленные узники, осыпая его тысячью благословений, благословляли с ним вместе имя русское. «Если хоть один из нас возвратится в свое семейство, — говорили они, расставаясь с ним со слезами, — то заклинем детей и весь род наш почитать за родного всякого русского, которого жребий войны пошлет на поля наши; заклинем их облегчать для него узы плена всеми жизненными выгодами и усладить для него разлуку с Отечеством утешениями дружбы и братства».

Хвала и слава имени русскому! На бранных полях гремит он победами; в мирных хижинах цветет состраданием. Хвала вам, сердца чувствительные! Герой воспещет народ среди шумных торжеств своих; человека благодетельного вспомнят несчастные в молитвах своих у престола Бога. Может быть, найдутся люди, которые истолкуют в худую сторону деяния рославльского купца; но чистого совестью оправдает Сердцеведец.

«Вы не видели еще человека на последней степени унижения, — сказал мне хозяин. — Пойдемте по городским улицам, я покажу вам его, и вы ужаснетесь!» В самом деле, что увидел я, выйдя из дому?.. Волосы становятся дыбом; сердце замирает от ужаса, и перо насилу повинуется мне для изображения человека, истощившего милости Творца и наконец всем гневом Его постигнутого.

Поруганные храмы, разграбленные и попаленные жилища, обещанные жены и девы, лишенные приюта сироты и старцы требовали от Небес мщения, и Небеса послали его наконец в пример вселенной. Все бедствия войны, все ужасы природы стеклись вместе, чтобы пасть разом на главы преступников: бегство, голод, мороз и всевозможные потери соединились в одно неслыханное доселе наказание. Бессмысленные твари не были никогда так унижены, как человек в мрачную эту эпоху. Гляжу вокруг себя со страхом и вижу людей в самых мучительных положениях. Один, в женской изорванной одежде, ползет на коленях и локтях; другой, полунагой, идя, падает навзничь окостенелый; третий грызет лошадиную ногу; четвертый с обезображенным лицом вылезает из-под развалин. Пятый от слабости присел у порога хижины: снег клоками падает на обнаженную грудь его; все члены его трепещут от конвульсий; видно, что он борется еще со смертью. Он вспоминает отца, мать, любезных сердцу, милое отечество; уста его произносят еще имя Бога. Слышу последний вздох жизни — и содрогаюсь от ужаса!.. Нет средств помочь тем, которым сама Природа отказала в помощи. Люди сострадательные, находя этих несчастных на улицах, обогревали их и насыщали за обильной трапезой, но не в состоянии уже были возратить

многим из них истощенной жизненной силы.

«Вот подобный мне человек! Вот Царь земли! — сказал я сам себе и с мрачными мыслями, с чувством уныния возвратился домой. — Бедное человечество!..»

Придите рассеять черные мечты моего воображения, вы, благодетели рода человеческого! И вы, умы бессмертные, посетите меня в моем уединении. Титы, Марк-Аврелии, Генрихи, Петры, Екатерины, Пожарские, Сократы, Невтоны² и Державины! Окружите меня Гением добра, ума и великих дел ваших. Да забуду в вашей беседе, как может быть унижен человек, и, стряхнув с него прах земного рабства, да возвышу его снова до бессмертного величия вашего!

Местечко Шклов, 11 ноября

«Вот и Шклов!» — сказал я с восторгом, проезжая широкий Днепр, на берегу которого сидит самое местечко. Ни один путешественник — знакомый и неизвестный, знатный и бесчиновный, богатый и бедный — не имел свободы проехать через Шклов, не завернув к знаменитому его обладателю. Ни один гость не выезжал из него, не

² Имеется в виду Иссак Ньютон.

заплатив дани удивления богатству и вкусу, с которым его угощали, не принеся дани уважения и благодарности тому, который все неприятности пышного вельможи умел прикрывать какой-то очаровательной любезностью и ласками своими. Здесь была столица роскоши и удовольствий. Все, что богатства в союзе с умом и вкусом произвести в состоянии; все, что Природа создаст и искусства украсить могут; все, о чем только нега, обильная выдумками, мечтать и что совершить она может, было собрано в цветущем Шклове. Сюда щедроты благодетельного вельможи призвали Муз вместе с богом войны и здесь основали им приятное жилище. В здешний Кадетский корпус со всех сторон России и Польши стекались тысячами благородные юноши. Тут науки просвещали умы и сердца их, искусства их украшали и чистая нравственность образовала; все вместе производили полезных Отечеству мужей и доставляли ей славных защитников. Здесь жил, наконец, любимец Фортуны, окруженный уважением тысячи чужестранцев и единоземцев, прелестями и ласками роя Граций, блеском, шумом и красотой строев конных и пеших кадетов, пышностью и веселостями двора своего, благодарностью им осчастливленных, одним словом, здесь жил *Зоричь* !

Зоричь более не существует, и с ним перестал

жить Шклов. Это ныне — обыкновенное польское местечко, в которое богатые жидаы, худым немецким языком или испорченным русским, приглашают путешественника и из которого низкие, неопрятные корчмы заставляют его скорее удалиться.

Г. Борисов, 14 ноября

Путь от Рославля до Борисова усеян мертвыми телами, которые представляются глазам в разных ужасных видах. Никого не встречаешь на дороге этой, кроме изуродованных морозами воинов *великой армии* в женских, крестьянских, жидовских и других странных одеяниях. Первый раз в жизни вижу печальный маскарад. Сожженные корчмы, опустошенные деревни и бродящие около развалин своих с *палашем при боку* шляхтичи, ограбленные великими своими избавителями — французами: вот предметы, которые повторять не слишком приятно! Около Борисова и в самом городе любовался я трофеями русских. На полях их, в их оградах довершено сокрушение сильнейшей армии (какой никогда не существовало), носившей ужас от дворца Эскуриальского до стен Кремлевских. Предводивший ее Гений, приучивший саму смерть страшиться его, дававший законы царям и признававший власть Бога только

на Небесах, бежит теперь без души от горсти преследующих его казаков. Можно сказать, что он так утомил Фортуну своими непрерывными успехами в дедале кабинета и на чистом ратном поле, что она вдруг отказалась служить ему. Справедливее прибавить должно, что он утомил терпение Небес до того, что они в несколько месяцев излили на него весь гнев свой. Чем-то кончится его военное и политическое поприще? Будет ли он уметь, воспользовавшись ужасным уроком, загладить свои ошибки и преступления? Признает ли себя виновным перед судом людей и Неба и заменит ли ненасытную страсть честолюбия истинной любовью ко благу своего народа и спокойствию общему? Какого имени удостоится он от будущих поколений? Нам до сего часа предоставлено дать ему только те имена, на какие могут иметь право деяния, противные законам чести, справедливости и любви к ближнему, — деяния, которые должны питать в душе нашей одно чувство ненависти и потушить в ней всякое доброе чувство, прежде возбужденное его полезными Францией трудами и военными подвигами.

Хотел бы пером военного наблюдателя начертать план Борисовского дела; желал бы удержать в моей записной книге распоряжения полководцев, содействовавшие наиболее к успеху победы или к замедлению ее, уловить минуту,

которой покорствуя Гений решает судьбу битвы, — с холодным, терпеливым беспристрастием разобрать ошибки, который были вскоре исправлены или сопровождались важнейшими последствиями. Но возможность слишком часто не соглашается с доброй волей. Круг обзрений частного офицера тесно ограничен: он не простирается далее его дивизии или, много, корпуса. Сведения почерпает он или на самом поле сражения, где он действует на черте, ему назначенной, и не видит, что делается на других; или в кругу товарищей, рассказывающих ему о том, что около них происходило; или в общем мнении, которое иногда бывает плохой судья и ценитель наших дел. Соображаясь с подобными сведениями, он делает по ним свои суждения и нередко ошибается. Таково положение наше, когда, не имея верных источников, хотим пощеголять замечаниями насчет стратегических *линий* и *пунктов* какого-нибудь сражения. За грубые ошибки достается нам, как обыкновенно достается в подобных случаях мирным героям кабинета от полевых героев: награда известная — смех сожаления! Воспользовавшись собственным моим замечанием, упомяну только о том, что к нам ближе и известнее. Скажу, что соображения главнокомандующего, доставившие нам бесчисленные трофеи, не могли быть с большей

тонкостью и мудростью обдуманы; что генерал Милорадович, привыкший первый встречать и первый провожать неприятеля, всегда собирать венки и щедро раздавать их своим сотрудникам, герой всегда отважный и счастливый, острил на врагов смертоносные штыки своих гренадер; что готовился славно вспомоществовать ему дальновидный и храбрый генерал Ермолов с военными товарищами; но что Судьба не позволила вполне совершиться начертаниям вождя русских войск и рвению сподвижников его, уберегая конечно хищника престолов и нарушителя прав народных для жесточайшего наказания.

Г. Минск, 20 ноября

Первый город от самой Калуги, в котором можно засыпать розами наслаждения протеченный путь, усеянный ужасами смерти и беспокойствами жизненными! Здесь имеешь уже способы понежить взоры и вкус; здесь, наконец, эпикурействуют наши северные герои после нескольких месяцев, проведенных в самых жестоких испытаниях стоической школы.

Я вступил в Польшу и не вижу еще польского города. Кто здешние обитатели? — жида. К кому прибегнуть для покупки или продажи? — к жидам. Где найдешь здесь художников и мастеровых? —

между жидами. Они продадут, купят, сделают, сыщут и доставят все, что только продать, купить, сделать и сыскать можно. Вся торговля и промышленность, все искусства и художества платят богатую дань оборотливым и проворным евреям, и золото Польши большей частью сыплется в широкие их карманы. В удел природным ее обитателям достались возделывание земли и защита ее. Они питают и обороняют чуждый народ, который, спокойно сидя в своих конторах, лавках, мастерских и корчмах, собирает с них же деньги и их же обманывает.

Зеленая корчма под Вильной,³ 1 декабря

Сладкие мечты воображения! Куда переносите вы меня из дремучих лесов Литвы, из мрачной корчмы польской?.. Ах! Вы переселяете меня на места, сердцу драгоценные, — на милую родину!

Сижу теперь в семейном кругу почтенного русского дворянина. Шумит буря; метель засыпает окна мирной обители и возносит около нее снежные

³ До 1918 г. город по-русски называли Вильна, ныне — Вильнюс.

валы. Но завывающая буря и крутящийся в снегах вихрь нас не ужасают; мы сидим у зажженного в камине огня и любуемся розовым пламенем, порхающим по угольям. Дрожащий старец, глава семейства, рассказывает нам, как Задунайский унижил Чалму, как Италийский сломил рога буйной Праге и карал на горах Альпийских учителей в искусстве военном. Другой, ближайший родственник дому, повествует о мудрых деяниях Екатерины, о великих мужах ее века и золотом ее царствовании. Две замужние женщины, цветущие душевной и телесной красотой, и племянницы их, числом и прелестями Грации, слушают с вниманием рассказы почтенных летами и опытностью родственников. Вся душа их, кажется, во взорах и на устах красноречивых повествователей. Старики вдруг умолкают. Розовое пламя умирает мало-помалу; Ангел тишины и уныния пролетает над нашим кругом. Долго царствует глубокое спокойствие; наконец оно прерывается общими жалобами на разлуку. Те сетуют о супругах, другие о любезных братьях, третьи о сыновьях, препорученных битвам и славе отечественной войны. Одна из прелестных не смеет и роптать вслух на горестную свою участь; тихий вздох вылетает из груди ее — и этот вздох принадлежит милому ее жениху. «Где-то теперь любезные сердцу нашему? Укрыты ли от бурь и

непогоды? Живы ли, здоровы ли они? Думают ли о нас в странах чуждых, отдаленных?» — говорят они. Все снова умолкает, снова та же мертвая тишина царствует. Вдруг слышны слабые звуки колокольчика — слышны и теряются в отдалении. Но звуки ближе, ближе, уже на дворе, уже у крыльца... Прелестные летят из комнаты и скоро возвращаются — с военными ведомостями в руках. Все садятся по местам. Отец семейства трепещущей рукой берется за газеты, надевает очки, возводит взоры к Небесам и читает: «В незабвенный день К... битвы ротмистр А...» — «Это внук мой!» — говорит старец дрожащим голосом. «Это наш братец! Ради Бога, продолжайте, дедушка!» — восклицают прекрасные. «Это он», — с сердечной боязнью шепчет милая невеста. Старец, повинувшись прелестным родственницам, повинуется сердцу своему. «Ротмистр А... видя, что французская батарея, наведенная на левое наше крыло, вырывала сотни жертв из твердых рядов и приводила в опасность жизнь многих генералов, вызвался лететь со вверенным ему эскадром на батарею сию и поклялся честью своей уничтожить адское ее действие. Честь русского офицера священна — и предложение его принято с удовольствием. Громы батареи ужасно грянули — еще раз грянули... и вдруг умолкли! Ротмистр был уже на ней, привел в замешательство ее защитников, захватил большую

часть ее орудий и, покрытый ранами и славой, возвратился к своему месту. Сам фельдмаршал встретил его с поздравлением и собственной рукой надел на него Георгиевский крест».

— Эй! Корчмарь! Еврей! Водки!..

Я хотел было продолжить мое пребывание в кругу любезного семейства, хотел представить радость деда и милых внучек; думал описать черту мужества и великодушия других родственников; но вынужден теперь возвратиться скорее в дремучие леса Литвы, в бедную польскую корчму и сказать воображению: остановись!

Сейчас пришли сюда два русских офицера, которые самым странным голосом требуют водки. Один из них бьет по столу грозно нагайкой; другой, называя себя каким-то князем (конечно, татарским), тормошит немилосердно корчмаря-жида и жену его, потом делает с ним мировую за стаканом водки, ссорится за другим и бьет его за третьим. Один подходит ко мне с вопросами: что я за человек? Не французский ли шпион? Я смотрю на него с удивлением; потом с сожалением усмехаюсь, пожимаю плечами и продолжаю писать.

Пускай в семействе русского дворянина скажут, прочитав некогда мои записки: «Дай Бог, чтобы ни один из этих офицеров не был моим братом и даже дальним родственником!» О невесте и говорить не нужно: какая девушка, хотя бы она не

имела ничего, кроме своей души, хотя бы она была дочь простого ремесленника — какая девушка согласится дать руку подобному господину?..

Воспитание есть лучшее украшение воина. Звание его, давая ему особенные преимущества, не дает ему права быть грубым, необходимым и жестоким; напротив того, добродушие, любезность и чувствительность должны быть вплетены в венок его вместе с мужеством, твердостью духа и пренебрежением всех опасностей. Грозный, как лев, среди волнений шумящей битвы, кроткий, любезный и сострадательный в мирной хижине — вот отличительные черты истинного воина!

Г. Вильна, 12 декабря

Исполнился обет государя против неожиданных бурь судьбы ополчившегося твердостью духа и уверенности в любви к нему сынов его; услышаны Небесами молитвы верного ему народа, среди мирских превратностей сохранившего свои коренные добродетели и нравы; увенчались успехами мужество и труды войска его, великого на бранных снегах и на пепелищах родных хижин, — *не осталось уже ни одного врага на лице любезного Отечества!* Красуйся, цвети, величайся снова, Россия! Но в красоте, богатстве и славе твоей не забудь начертать на скрижалях

вечности имя монарха, своей твердостью отстранившего твое уничтожение; не оставь врезать в них клятву его: *не положить* оружия, *доколе ни единого неприятельского* воина *не останется* в твоих пределах. Пускай сыны наши, величаясь именем русского, в благородной гордости повествуют сынам и внукам своим о том, кому обязаны они благополучием ходить по вселенной с возвышенной головой и смелыми очами! Пускай деяния его будут первым лепетанием младенца, начальными предметами воспитания юноши, любимым разговором мужа и последним у гроба воспоминанием старца! Пусть память Александра I со слезами благодарности в роды родов благословляется, и любовь к нему на сердцах народных взнесется к престолу Бога!

Бедные остатки неприятельской армии бегут уже за Неменом. Мы начинаем дышать воздухом счастья; отдыхая здесь, мы веселимся — веселимся тем более, что отголоски наших торжеств и радостей отдадутся скоро в сердце любезного Отечества. К дополнению счастья сего с нами князь Смоленский, утомленный победами, отдыхающий здесь на лаврах, собранных с полумиллиона врагов. «Иди спасать Россию», — сказал ему монарх в Петровом граде, и повторили то сердца народа. «Ты спаситель России», — говорит ему ныне государь в Вильне, и благодарное Отечество поздравляет его

этим именем, и вселенная им уже Кутузова приветствует! Что должен ощущать светлейший, видя к нему явные милости Небес, благоволение государя и любовь вверенных ему войск; внимая благодарности России, приветствиям мира и тайному отзыву собственного сердца, говорящего ему, что ни один победитель не всходил на подобную высоту славы?.. Он восхищается в душе своей и восхищение делит с сотрудниками-героями. К довершению нашего блаженства государь император изволил прибыть в Вильну (вчера числа). Минутные бедствия Отечества, труды и опасности военные, собственные потери, болезни и несчастья — все забыто в рядах храбрых, восхищенных приездом любимого монарха. Один взор его осветил мрачное прошедшее; один *миг* покрыл *годы* !

Вильна торжествует прибытие государя. Душам обыкновенным сродно мщение; но великодушный Александр мстит Вильне одной милостью и благодарит ее за радостные приветствия. Весь город блистает разноцветными огнями; везде светло снаружи — каково-то внутри?.. На ратуше отличается от многих других прозрачных картин изображение Гения России, карающего толпу галлов, и над ним парящего с лавровым венком двуглавого орла. Говорят, что подобное изображение, с лестными для Наполеона

переменами, украшало то же здание, когда честолюбец, приковав поляков к колеснице своей, огнем войны освещал путь свой в Россию. Последуя великому примеру, мы не хотим этого слышать, забываем прошедшее и радуемся от души настоящему.

На днях государь император удостоил своим присутствием бал, данный светлейшим для русских офицеров и польского дворянства. Встреча достойна была высокого гостя и хозяина-героя. Государь, входя в зал, невольно наступил на французские знамена, из которых (так я слышал) одно держал сам фельдмаршал и при входе великого посетителя невидимо преклонил из-за дверей.⁴ Знамена эти на днях отбиты у неприятеля. Говорят, что император был восхищен этой встречей и обнимал фельдмаршала, одарившего его таким неожиданным торжеством. Польские дамы рассказывают также с восторгом, что князь в сей вечер был с ними любезен до бесконечности. «Не одних лавров достоин Кутузов, — говорили они. — Мы готовы поднести ему венки из лучших роз и мирт, сорванных в цветниках польских».

Там же, 14 декабря

⁴ Прекрасный предмет для картины!

Вильна покоится в долине, окруженной высотами и пересекаемой реками Вильей и впадающей в нее Вилейкой. Город не обширен, но красивее, многолюднее и живее многих губернских городов России. Сообщением окружных вод с Балтийским морем торговля здешняя процветает. Улицы здесь не широки; дома порядочной высоты и почти все каменные. Большая часть из них, особенно на главных улицах, построены под одну крышку. Зодчество церквей довольно величественно. Впрочем, я не видел здесь зданий, перед которыми можно бы остановиться с чувством удивления.

Достоинны здесь замечания Университет и Дом Милосердия: один обязан существованием своим монаху, другой — женщинам. Первый основан в 1570 году епископом Валерианом Протазевичем, утвержден королем Польским Стефаном Баторием, обновлен и возвеличен благодетельными щедротами императора Александра. Второй, учрежденный теми, которые везде и всегда составляют лучшую отраду человечества, процветает неусыпными их попечениями. Девушки известнейших фамилий здешних не стыдятся, обходя весь город, просить милостыню для бедных, вверенных Богом доброму их сердцу, и относить к ним собранные подаяния. Чего в подобные